

На правах рукописи

Бортников Владислав Игоревич

**Категориально-текстовая идентификация
вариантов художественного текста**

Специальность 10.02.01 – русский язык
10.02.20 – сравнительно-сопоставительное,
общее и типологическое языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на кафедре риторики и стилистики русского языка Института гуманитарных наук и искусств

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Матвеева Тамара Вячеславовна

Официальные оппоненты:

Салимовский Владимир Александрович,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
национальный исследовательский
университет», профессор кафедры
журналистики и массовых коммуникаций

Эртнер Дарья Евгеньевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный
университет», доцент кафедры перевода и
переводоведения

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж

Защита диссертации состоится «28» мая 2015 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан « ____ » апреля 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в границах лингвистики текста и сопоставительного языкознания. Центральной является проблема идентификации оригинального и переводного текстов с целью определения меры их эквивалентности.

Поскольку в современных условиях глобализации роль перевода неизменно растет, все большую остроту приобретает необходимость обосновать методику определения эквивалентности перевода на текстовых основаниях. Существующие концепции эквивалентности отличаются либо атомарностью – сопоставлением отдельных элементов текста (J.-P. Vinay, J. Darbelnet; J. C. Catford; E. Coşeriu; Я. И. Рецкер; G. Jäger; Л. С. Бархударов; W. Koller; Л. К. Латышев; L. Tarvi; J. Munday; В. В. Алимов и др.), либо тяготением к дискурсивности – описанию коммуникативной ситуации, экстралингвистических параметров (E. Nida; A. Popović; S. Bassnett; W. Wilss; J. Levý; L. Venuti; А. Д. Швейцер; В. Н. Комиссаров; L. von Flotow; K. Reiss; В. Hatim; О. Уокоуама и мн. др.). На современном этапе развития лингвистики текста методологическую основу определения эквивалентности при переводе могут составить идеи и методы данной науки. Разработка сопоставительной модели идентификации оригинала и перевода на основе структурных единиц – текстовых категорий (далее также ТК) – осуществляется в данной диссертационной работе.

Актуальность данного исследования определяется его сосредоточенностью в области методологии и методики идентификации разноязычных вариантов художественного текста, а значит, междисциплинарностью (центральная проблема относится к сферам лингвистики текста, общего и сопоставительного языкознания, теории и методики перевода). Выдвигаемая в диссертации модель сопоставительного категориального анализа текста (СКАТ) позволяет судить о собственно текстовой эквивалентности (степени эквивалентности) оригинального текста и его переводов.

Научная новизна диссертационной работы состоит в расширении сферы действия категориально-текстового подхода, его применении к ранее не выделявшимся текстотипам, состоящим из оригинального и переводных вариантов одного и того же художественного произведения. В диссертации впервые предложена комплексная модель, позволяющая определить степень (меру) эквивалентности перевода и исходного текста (а равно одного русского перевода другому) на категориально-текстовых основаниях. Кроме того, впервые введен в научный оборот малоизвестный архивный источник – перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай», выполненный в 1777 г. В. П. Петровым.

Модель апробирована на русском переводном и английском исходном материале.

Исходным текстом является произведение Джона Мильтона (John Milton) “Paradise Lost” (1667). Данный текст неоднократно переводился на

русский язык. В диссертации проанализирован названный выше первый русский переведенный текст «Потерянного Рая» (далее также ПТ-1777), не переиздававшийся ни разу и вовлекавшийся в научный оборот (по известным нам исследованиям в области мильтонистики Р. М. Самарина, J. S. Diekhoff'a, А. Аникста, А. А. Чамеева, А. Н. Горбунова; А. Cowley, J. Bruce, J. Butler, A. Swann et al.) лишь однажды, в исследовании Э. В. Максудовой по русскому литературному языку XVIII в. Второй перевод «Потерянного Рая» (переводчик Аркадий Штейнберг), послуживший материалом идентификации, издан в 1976 г. в серии «Библиотека всемирной литературы» (далее также ПТ-1976) – в этом переводе поэма Мильтона и знакома большинству современных читателей. Для частных сопоставлений привлекались также менее известные переводы в изданиях 1843, 1895, 1901 гг.

Детальному категориально-текстовому анализу подвергнута Песнь первая поэмы «Потерянный Рай» (общим объемом 798 английских стихов, в прозаическом переводе 1777 г. – 865 строк, в стихотворном переводе 1976 г. – 946 стихов). Идентификация с использованием контент-анализа проведена на материале трех репрезентативных композиционных блоков общим объемом 4229 слов, в т. ч. содержащих 601 категориальную репрезентацию.

С целью осмысления и апробации модели СКАТ к исследованию привлечены: фрагмент “Songs of Ossian” Дж. Макферсона в оригинальном английском и переводном русском (переводчик Д. В. Веневитинов) вариантах и “The Passionate Shepherd – to His Love”, элегия К. Марло, в оригинальном английском и двух переводных русских (переводчики В. Рогов и И. Жданов) вариантах.

Гипотеза исследования: текстовая категория может служить идентификатором качественного сопоставления вариантов художественного текста между собой (в том числе сопоставления переводного текста с исходным).

Объект исследования – вербальная репрезентация текстовых категорий темы, хронотопа, тональности во всех сопоставляемых текстах и фрагментах текстов анализируемого текстотипа.

Предмет исследования – идентификация эквивалентности переводных и оригинального текста поэмы «Потерянный Рай» на основании речевой реализации текстовых категорий.

Цель исследования – определить возможности измерения эквивалентности переводов исходному тексту на основе сопоставления вербальной репрезентации текстовых категорий в исходном художественном произведении и его переводах на русский язык.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Теоретически обосновать взаимообусловленность текстовой категории (параметра текста) и эквивалентности (параметра сопоставления текстов), доказать результативность использования текстовых категорий в качестве инструмента идентификации.

2. Определить набор текстовых категорий, необходимый и достаточный для идентификации исходного и переведенного текстов, разработать модель сопоставительного категориального анализа текстов (СКАТ), нацеленную на определение меры эквивалентности сопоставляемых текстов.

3. Провести первичную апробацию модели посредством сопоставительного категориального анализа вариантов поэтического текста малого жанра.

4. После разбиения исходного английского текста поэмы Дж. Мильтона “Paradise Lost” и основных русских переводов (1777 г. и 1976 г.) на взаимно соответствующие композиционные отрезки выявить репрезентации каждой текстовой категории из набора (тема, хронотоп, тональность) во всех трех текстах.

5. Идентифицировать русские варианты поэмы относительно английского исходного текста на основе взаимного сопоставления репрезентаций каждой из названных категорий (речевых сигналов категории) с учетом аспектов анализа (набор, комбинаторика и размещение речевых сигналов). По той же методике идентифицировать русские варианты поэмы между собой.

6. Сформулировать выводы о сходстве категориально-текстовых решений в сопоставляемых вариантах художественного текста, на основе статистических данных определить коэффициент эквивалентности переведенных вариантов исходному.

Методология диссертации сложилась в опоре на представление о речевой системности (М. Н. Кожина) (с учетом общефилософского понимания «системы» и «системности» А. Н. Аверьянова, В. П. Стадника) и тексте как системе текстовых категорий (Е. В. Сидоров). В соответствии с поставленными в диссертации целью и задачами в работе использована группа традиционных функционально-семантических методик (контекстного, оппозитивного анализа и др.). В соответствии с целевой установкой автора, основным является метод категориально-текстового анализа, разработанный Т. В. Матвеевой на базе трудов по лингвистике текста (В. Г. Гак, А. А. Акишина, М. А. Гвенцадзе, И. Р. Гальперин, А. И. Новиков, И. Я. Чернухина, З. Я. Тураева и др.). Развитие данного метода в настоящей диссертации связано с активным использованием частотно-статистических методик (стило-статистического анализа и контент-анализа, адаптированного под цели исследования).

Метод лингвистического моделирования использован в работе при выдвигании, описании, апробации модели сопоставительного категориального анализа текстов. Многоступенчатость этой модели потребовала также применения сопоставительно-контрастивного и графического методов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Текстовая категория может служить комплексным идентификатором качественного сопоставления переводов художественного текста с его

оригиналом, а также сопоставления разных переводов одного и того же текста.

2. Идентификация переводных текстов на базе категориально-текстового подхода позволяет перевести проблему эквивалентности с контекстного на собственно текстовой уровень, что предполагает сопоставление не отдельных речевых сигналов, а композиций речевых средств, воплощающих определенную часть авторского замысла – текстовых категорий.

3. Оптимальный набор текстовых категорий как инструмента идентификации составляют содержательные категории темы, хронотопа и тональности; структурная категория композиции крупного текста используется как базис для выделения относительно целостных частей текста, каждая из которых может быть подвергнута детальному категориальному анализу с учетом ее места и роли в целостном речевом произведении.

4. Осуществление категориально-текстовой идентификации вариантов художественного текста целесообразно производить поэтапно в рамках предлагаемой модели сопоставительного категориального анализа текста (СКАТ). Теоретическим основанием данной модели выступает категориальная концепция текста; методологическое наполнение модели обеспечивается формализованным представлением вербальной экспликации текстовых категорий в ИТ и ПТ, с подключением метода контент-анализа, применяемого к совокупности экспликаторов категории и обеспечивающего достоверность полученных данных.

5. Идентификация русских вариантов и английского исходного текста свидетельствует о высокой степени сохранности категориально-текстовых решений оригинала в переводных текстах. Вербальное варьирование осуществляется в рамках текстовой категории и с соблюдением заданном оригиналом вербальной модели реализации. Предложенный подход позволяет судить о характере соответствия разных переводных вариантов оригиналу: содержательном (собственно эквивалентность) и/или формальном (эквиметричность текстовых вариантов).

6. Применение интерпретационной модели СКАТ позволяет не только объективно оценить степень (установить коэффициент) эквивалентности, но и выявить характер креативных отклонений переводного варианта от исходного текста. Использование же выдвинутой модели применительно к материалу сопоставляемых одновременных русских переводов Мильтона способствует уточнению историко-переводческих, теоретико-переводческих данных, в т. ч. в области мильтонистики.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении сферы применения категориально-текстового подхода, возможности комплексного использования предложенной модели сопоставительно-категориального анализа текстов при сопоставлении перевода и оригинала, позволяющей координировать содержательную интерпретацию объекта с его

количественными характеристиками. В названных аспектах исследование предстает важным и для отечественной мильтонистики.

Практическая значимость определяется возможностью использования материалов диссертации для обновления вузовских учебных курсов стилистики русского языка, теории и практики перевода, а также для разработки спецкурсов по проблемам лингвистики текста и мильтонистике.

Апробация работы. Материалы и основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры риторики и стилистики русского языка Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Основные положения диссертации были представлены в очных докладах на Международной конференции молодых филологов (Эстония, г. Тарту, 2010); на Межвузовской конференции молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, 2010, 2011, 2013); на ежегодной межвузовской конференции «Кормановские чтения» (Ижевск, 2010–2015); на международных научно-практических конференциях «Язык. Культура. Коммуникация» (Челябинск, 2010–2013), «Литература XX века: проблемы поэтики» (Челябинск, 2010, 2011, 2012); на всероссийских конференциях «Грехнёвские чтения» (Нижний Новгород, 2010, 2012), «Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи» (Екатеринбург, 2010–2014), «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (Екатеринбург, 2011, 2012), «Дергачёвские чтения» (Екатеринбург, 2011, 2014); на региональной конференции «Филологические проекции Большого Урала» (Пермь, 2012); а также на международных научных и научно-практических конференциях «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» (Белоруссия, г. Гродно, 2012), «Актуальные проблемы лингвистики – русистики, романистики, германистики» (Екатеринбург, 2012, 2013), «Г. Р. Державин и диалектика культур» (Казань, 2012, 2014); «Мова і вірш», Украина, г. Луцк, 2013; «Экология языка и коммуникативная практика» (Красноярск, 2014).

Содержание работы отражено в 27 научных публикациях, в т. ч. 4 статьях в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков сокращений и таблиц, списка использованной литературы (504 наименования), а также четырех приложений, содержащих анализируемые тексты и соответствующие кодовые записи категориальных репрезентаций в этих текстах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит общую характеристику работы и постановку проблемы идентификации вариантов художественного текста. Опорной посылкой исследования является положение о том, что исходный текст (ИТ) и все его переводы (переведенные тексты, ПТ) восходят к единому содержательному прототипу-инварианту. Будучи воплощена на каком бы то

ни было языке, авторская идея оформляется как ИТ – основной речевой вариант замысла, а переводы ИТ являются другими текстовыми вариантами по отношению к ИТ и между собой.

Во введении также освещается понятие эквивалентности в уровневых и многоуровневых моделях (Г. Егера, Л. С. Бархударова, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера и др.) и высказывается мысль о неэффективности применения этих моделей к идентификации текстового целого. Возможность и необходимость использования лингвотекстовых методов для сопоставительного анализа перевода и оригинала художественного произведения подтверждены параллелизмом развития лингвистической науки о переводе и науки о тексте (В. Н. Комиссаров). Тем самым обоснована актуальность темы и проблемы, после чего сформулирована цель и вытекающие из нее задачи; раскрывается научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава I «**Теоретические и методологические основы сопоставительного категориального анализа текстов**» посвящена обоснованию категориально-текстового подхода к идентификации текстовых вариантов и выдвижению модели сопоставительного категориально-текстового анализа текстов, ее апробации.

В разделе 1.1. «**Текстовые категории: феномен, типологизация, интерпретационный потенциал**» освещается развитие лингвистики текста и становление понятия *текстовая категория* (труды А. В. Бондарко, Т. М. Николаевой, А. А. Акишиной, И. Р. Гальперина, М. Н. Кожинной, В. В. Одинцова, О. И. Москальской, Е. А. Реферовской, Е. В. Сидорова, Т. В. Матвеевой, А. А. Чувакина, Е. А. Баженовой и др.). Текстовая категория (ТК) – существенный признак текста – характеризуется через «отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами»¹. Любая категория текста имеет знаковый характер, в каждой категории некий универсальный смысл оформляется посредством ряда единиц, актуализованных в завершеном «продукте» текста, причем эти единицы образуют собственную внутритекстовую целостность.

Особо ставится задача ограничения набора текстовых категорий, необходимых для идентификации эквивалентности. Из числа нескольких десятков ТК, известных современной науке, исключены такие глобальные категории («макрокатегории», категории высшего уровня абстракции), как интенциональность, связность, целостность, завершенность, членимость. Эти ТК использовались на ранних этапах развития лингвистики текста для дефинирования текста (в отличие от «не-текста»), но не для дифференцирования текстов.

---

¹ Матвеева Т. В. Текстовая категория / Т. В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова и др. ; Под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 533.

По сходным основаниям из выборки исключена и гиперкатегория «образ автора» (В. В. Виноградов). Дело осложняется тем, что художественный перевод есть «спор двух личностей: автора и переводчика» (Ю. А. Сорокин), а исходный авторский замысел – при всем стремлении переводчика к идеалу его сохранения – преломляется в иноязыковой интерпретации. Перед исследователем не стояла задача описания стилистической системы, возникающей в переводе, поэтому «образ автора» и «образ переводчика» в набор категорий описания включен не был.

Итогом обзора теоретической литературы по лингвистике текста в свете поставленной цели исследования стала выборка ТК среднего уровня абстракции, языковую реализацию которых можно интерпретировать непосредственно. Аналитически адекватный минимум составили категории, которые отражают основные компоненты коммуникативного акта. Это содержательные ТК темы (отражает затекстовый денотат, является предметом обсуждения в тексте), хронотопа (комплексной ТК, отражающей пространственно-временные условия коммуникации), тональности (отражает психологическую составляющую авторского замысла), а также структурная категория композиции, отражающая особенности текста как композитивного типа речи (В. В. Одинцов).

Раздел 1.2. «**Специфика функционирования текстовых категорий в литературно-художественном произведении**» представляет собой краткий очерк типологического воплощения выбранных четырех ТК в тексте литературно-художественного функционального стиля.

Опорные категории выборки – композиция и тема – воплощаются одна через другую. Композиция выражается в последовательности и синтагматике элементов и фрагментов речевого произведения; тема обращена к затекстовой реальности, подлинной или вымышленной. Композиционно-тематическое единство может быть определено как смысловое ядро текста, обобщенное содержание в его упорядоченном линейном воплощении.

Художественная композиция традиционно исследуется через ее составляющие, выделяемые в зависимости от направления, целей и задач исследования. В их числе события (Аристотель), мотивы (В. М. Жирмунский, Б. О. Корман), расстановка персонажей (Г. Д. Гачев), точки зрения (Б. А. Успенский), повторы деталей, в т. ч. символических (М. М. Гиршман) и др. Особенно значимо контекстно-вариативное членение, или разграничение двух «речевых потоков» текста – речи автора и речи персонажа (И. Р. Гальперин). Однако основу композиционного деления текста составляют понятия композиционной части и композиционного фрагмента, за каждым из которых стоит относительно целостная содержательная часть текста, обозначенная в своих границах и выполняющая определенную роль в целом тексте.

Композиция текста является важнейшим основанием идентификации текстовых вариантов, поскольку каждая составляющая часть находится с однотипными составляющими и с целым текстом в отношениях подобия и

наделена в составе целого текста собственной функцией. Применительно к объемным жанрам (например, поэме «Потерянный Рай») полный, сквозной категориальный анализ реализовать невозможно (он составил бы, вероятно, не один десяток томов), но результативного анализа можно добиться, предварительно выделив репрезентативные композиционные блоки анализируемого текста, а далее подвергнув эти блоки детальному анализу. Именно такое решение реализовано в диссертации.

Тема художественного текста воплощается в двух разновидностях: предметной и субъектной (И. Г. Сибирякова). Тематическая цепочка любого типа основывается на денотативном и/или сигнификативном тождестве ряда номинаций и характеризуется определенными синтагматическими отношениями этих номинаций в линейном ряду текста. Тематическое поле целого текста формируется из единиц тематических цепочек, поддерживаемых дополнительными номинациями.

Комплексная категория хронотопа является отображением бытийных условий, в которых существуют референты номинаций, слагающих тематическое ядро. Поскольку какой бы то ни было объект или явление невозможно помыслить вне пространства и времени, невозможно и существование художественного текста вне этих категорий (М. М. Бахтин).

Текстовая тональность – конкретное проявление субъективной модальности, особенно важной в художественном тексте, имеющем эмоциональную доминанту замысла. Тональность пронизывает весь художественный текст и выходит на гиперкатегориальный уровень, воплощаясь не только в лексике, но и в ритме, интонации, фонике, грамматических построениях.

Важным для проведенного анализа является учет жанра художественного произведения. «Потерянный Рай» – это эпопея. При интерпретации учитываются идеи литературно-критических трудов В. Г. Белинского, а также работ теоретиков литературы: В. М. Жирмунского, М. М. Бахтина, В. В. Кожина, Ю. М. Лотмана, В. Е. Хализева, А. К. Жолковского и др. Для эпопеи характерны: наличие центрального героя (а значит, основной субъектной тематической цепочки); замкнутая в самой себе целостная система пространства и времени; полярная тональность и кульминационное, апофеозное столкновение ее полюсов. «Апофеозом восстания» поэма «Потерянный Рай» и была названа В. Г. Белинским (весьма невысоко оценивавшим степень соответствия мильтоновского труда «величию предмета»²). Для диссертации весьма плодотворными явились литературно-критические замечания В. Г. Белинского.

В разделе 1.3. «**Модель сопоставительного категориального анализа текстов**» выдвигается модель СКАТ, содержащая следующие этапы идентификации:

---

² Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 5, Статьи и рецензии, 1841–1844 / В. Г. Белинский ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 7–67.

0. (подготовительный этап) Выделение взаимно соответствующих репрезентативных композиционных блоков каждого из текстовых вариантов.

1. Выявление речевой экспликации категорий темы, хронотопа, тональности в рамках выделенных композиционных блоков.

2. Кодирование речевых сигналов выделенных категорий во всех композиционных блоках.

3. Сопоставительный количественный анализ полученных кодировок.

4. Функционально-текстовая интерпретация полученных статистических данных по каждой текстовой категории.

Как следует из модели, ТК композиции играет в ходе анализа вспомогательную роль: именно от композиции мы отталкиваемся, выделяя репрезентативные блоки, которые в совокупности дают представление о целом тексте и его категориально-текстовой реальности. Выделенные блоки затем подвергаются категориальному анализу. На этапе 1 осуществляется отбор материала для анализа текстовых категорий. На этапах 2 и 3 применяется вероятностный подход к тексту. Речевые сигналы («контент») каждой из трех категорий записываются в виде определенного кода, содержащего буквенные и цифровые обозначения. Полученная запись иначе называется «контент-код», а при кодировании / декодировании задействуется технология «контент-анализа»³. Кодирование категорий осуществляется соответственно общим смыслам содержательных ТК и их вариативным разновидностям. Полученные частные коды служат базисом сопоставления и основанием идентификации вариантов каждой проанализированной категории.

Например, каждая тематическая номинация принадлежит определенной номинационной (тематической) цепочке, поэтому каждый код начинается с номера цепочки. При этом субъектным цепочкам (1) присваиваются номера 1.1, 1.2, 1.3, ...; предметным (2) – 2.1, 2.2, 2.3, ... Цепочки каждого типа нумеруются в порядке фабульного появления референтов (персонажей, предметов). После номера цепочки в соответствии с порядком появления номинации в тексте ставится буква (*a, б, в, ...*). Рядом с буквой, в виде нижнего индекса, ставится цифра, указывающая на тип номинации: 1 – базовая («лексическая единица в своей первичной функции»), 2 – лексически новая по отношению к базовой, 3 – трансформ базовой номинации, 4 – субститут (местоименная замена) базовой номинации, 5 – «нулевая» номинация (имплицитное присутствие номинации).

Демонстрационным материалом введения кода послужил фрагмент “The Songs of Ossian” Дж. Макферсона и его перевод Д. В. Веневитинова. Ниже представлена контентная маркировка цепочки 1.1 – субъектной цепочки поющей героини:

---

³ Имея в виду чрезвычайно большое разнообразие трактовок «контент-анализа», исследователь взял за основу наиболее, на наш взгляд, применимую к художественному тексту концепцию Л. Я. Аверьянова. См.: Аверьянов Л. Я. Контент-анализ / Л. Я. Аверьянов. – Москва : КноРус, 2009.

Macpherson J.
From “Songs of Ossian”
 The Songs of Selma. Colma
 It is night; – ^{1.1.a4}I am alone, ^{1.1.65}Ø
 forlorn on the hill of storms. The wind is
 heard ^{1.1.65}Ø in the mountain. The torrent
 shrieks down the rock. No hut receives
^{1.1.a4}me from the rain; ^{1.1.65}Ø forlorn on
 the hill of winds.

Дж. Макферсон
Оссиан
 Песнь Кольмы
 Ужасна ночь, а ^{1.1.a4}я одна
 Здесь ^{1.1.65}Ø на вершине одинокой.
 Вокруг ^{1.1.a4}меня стихий война.
 В ущелиях горы высокой
^{1.1.a4}Я слышу ветра свист глухой.
 Здесь по скалам с горы крутой
 Стремится вниз поток ревучий...
 (Пер. Д. В. Веневитинова.)

Как следует из «контент-кода», героиня использует два способа автономинации: посредством местоимения-субститута *I* (рус. *я*), тип номинации № 4; и посредством «нулевой» номинации (Ø), тип номинации № 5. Порядок появления этих номинаций в тексте отражают присвоенные им буквы *a* и *b* соответственно. Тематическая цепочка героини выглядит в кодовой записи так:

для оригинала **1.1a₄ – 1.1b₅ – 1.1b₅ – 1.1a₄ – 1.1b₅**;

для перевода **1.1a₄ – 1.1b₅ – 1.1a₄ – 1.1a₄**.

Номинации цепочек могут не соответствовать друг другу, поэтому имеет смысл выстроить таблицу, располагая цепочки в приведенных кодовых записях друг под другом, где взаимные соответствия будут показаны в одном и том же столбце, а несоответствия отражены как пропуски в соответствующих ячейках:

Таблица 1

Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1

№ звена п/п	(1)	–	(2)	–	(3)	–	(4)				
Вариант											
Д. В. Веневитинов	a₄	–	b₅	–	a₄	–	a₄				
J. Macpherson	a₄	–	b₅		–		b₅	–	a₄	–	b₅

Поскольку осуществляется идентификация русского варианта текста относительно английского, то оценивается степень совпадения верхней строки с нижней, а не наоборот. В строке ниже обозначим совпадающие с английскими номинации как «1», не совпадающие – как «0»:

**Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1
с числовой индексацией набора**

№ звена п/п \ Вариант	(1)	–	(2)	–	(3)	–	(4)				
Д. В. Веневитинов	a₄	–	б₅	–	a₄	–	a₄				
J. Macpherson	a₄	–	б₅		–		б₅	–	a₄	–	б₅
Индекс идентификации (ИИ)⁴ набора	1		1		0		0				

Расчет эквивалентности набора производится путем вычисления отношения количества совпадающих звеньев в заданном варианте к общему количеству звеньев в этом варианте (в нашем случае – русскоязычном): $\frac{2}{4} = 0,5$. Для удобства эта доля выражалась в процентном виде (50%).

Помимо набора, эквивалентность текстовой категории представляется возможным рассчитать по следующим переменным параметрам: «комбинаторика языковых составляющих в составе линейного ряда <...>; размещение линейного ряда в тексте»⁵.

Эквивалентность комбинаторики в цепочке определяется только для имеющих соответствие членов (в нашем случае – это звенья №№ 1, 2 и 4) через сочетаемость с ближайшими членами – соседними репрезентациями; при этом звено может быть эквивалентным (ИИ = 1) оригиналу, если оба соседних с ним члена совпадают с «соседями» сопоставляемого звена в цепочке ИТ; полуэквивалентным (ИИ = 0,5), если совпадает только одно соседнее звено; и неэквивалентным (ИИ = 0), если оба звена в окружении не совпадают:

**Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1
с числовой индексацией комбинаторики**

№ звена п/п \ Вариант	(1)	–	(2)	–	(3)	–	(4)				
Д. В. Веневитинов	a₄	–	б₅	–	a₄	–	a₄				
J. Macpherson	a₄	–	б₅		–		б₅	–	a₄	–	б₅
ИИ комбинаторики	1		0,5		0		0,5				

⁴ ИИ – индексы идентификации – расставляются только для репрезентаций темы в русском варианте, т. е. в столбцах (1), (2), (3), (4). При этом **полу жирным** выделяются «априорные» нули – нули отсутствия английского соответствия, иначе (в терминах теории трансформаций) нули переводческих добавлений.

⁵ Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 17.

Расчет эквивалентности комбинаторики производится путем вычисления отношения суммы этих числовых соответствий к общему числу звеньев данного варианта: $\frac{1+0,5+0+0,5}{4} = \frac{2}{4} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность размещения статистически рассчитывается для каждого звена, имеющего соответствие в наборе (в нашем случае – для №№ 1, 2 и 4), с учетом того, занимает ли оно аналогичную по силе / слабости позицию (И. В. Арнольд) в идентифицируемом варианте (русском), что и в идентифицирующем (английском). Совпадение «сильное – сильное» или «слабое – слабое» получает ИИ = 1; несовпадение «сильное – слабое» или «слабое – сильное» описывается как ИИ = 0. Для выделенного отрывка имеем:

Таблица 4

Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1 с числовой индексацией размещения

№ звена п/п	(1)	–	(2)	–	(3)	–	(4)				
Вариант											
Д. В. Веневитинов	a ₄ (слб.)	–	b ₅ (слб.)	–	a ₄	–	a ₄ (сил.)				
J. Macpherson	a ₄ (сил.)	–	b ₅ (сил.)		–		b ₅ (слб.)	–	a ₄	–	b ₅
ИИ размещения	0		0		0		0				

Расчет эквивалентности размещения производится аналогично расчетам набора и комбинаторики: вычисляется отношение суммы числовых эквивалентов к общему числу звеньев $\frac{0+0+0+0}{4} = 0$ (0%).

Три переменных параметра позволяют вычислить усредненную эквивалентность (УЭ) по текстовой категории:

$$УЭ_{\text{темы}} = \frac{50+50+0}{3} \approx 0,3333 \text{ (33,33\%)}$$

Для удобства в приложениях эквивалентность каждого композиционного блока рассчитывалась по каждой ТК с указанием ИИ набора, комбинаторики, размещения в одной таблице (три серых строки внизу вместо одной, как в Табл. 1 (4), 2 (5), 3 (6), см. Табл. 8 в дисс.). Усредненная эквивалентность рассчитывалась после каждой таблицы, размещенной в приложениях. Значения десятичных дробей округлялись до десятитысячных (до четвертого знака), в процентном выражении – до сотых (до второго знака).

Как и в случае с категорией темы, применительно к категориям хронотопа и тональности использовалась общая схема построения кода:

«номер + буква + идентифицирующая цифра», но со следующими изменениями:

– нумеровались зоны полей хронотопа и тональности (1.1 – ядро, 1.2 – приядерная зона, 2.1 – ближайшая периферия, 2.2 – дальнейшая периферия);

– буквой, в отличие от темы – заглавной, обозначалась соответствующая категория (Л – локативность, или текстовое пространство; Т – темпоральность, или текстовое время; Э – эмотивность, или тональность);

– идентифицирующие цифры после букв в коде хронотопа означают: первая – принадлежность герою (1) / событию (2) / ни тому, ни другому (0); вторая – статику (1) / динамику (2), причем динамику непрерывную (20) / прерывную (21). При кодировании тональности идентифицирующая цифра всегда одна, она соответствует семантическим долям ‘эмоциональности’ (1) / ‘интенсивности’ (2) / ‘волеизъявления’ (3) / ни одному из трех (0).

Например, обозначение ^{1.1.T120}ночь в «Песни Кольмы» следует понимать так: *ночь* – речевой маркер времени (Т), входит в структуру ядра (1.1), соотносится с героем (1, подчеркнуто), время векторно и непрерывно (20). Английское ^{2.1.Э2}*shrieks* (букв. «ревет» – предикат к *torrent*, «поток») является сигналом тональности (Э), принадлежащим зоне ближайшей периферии поля (2.1), интенсивом по своей семантической принадлежности (*ревет* – ‘громко шумит’) и т. д.

Затем, после кодирования, репрезентации хронотопа и тональности записываются в таблицы, им – как и в случае с темой – присваиваются ИИ набора, комбинаторики, размещения, после чего подсчитывается эквивалентность по каждому из этих параметров, находится УЭ.

Все описанные процедуры расчетов, конечно, не исчерпывают богатства, своеобразия, индивидуальной выразительности художественного подлинника. Количественная составляющая модели анализа не исчерпывает анализа, поэтому в модели СКАТ не менее важным оказывается этап № 4, связанный с интерпретацией полученных данных.

Этот этап нашел воплощение в разделе 1.4. «**Апробация модели сопоставительного категориального анализа текстов**» на материале буколической элегии К. Марло “The Passionate Shepherd to His Love” и двух ее русских вариантов – ПТ-1 «Влюбленный пастух – своей возлюбленной» (В. Рогов) и ПТ-2 «Страстный пастух – своей возлюбленной» (И. Жданов). Выбор материала апробации обусловлен тем, что буколическая поэзия является разновидностью эпической: и поэма, и «идиллия» основываются на легендарном времени и обладают другими признаками жанрового сходства (В. Г. Белинский). Важен также факт исторической близости текстов К. Марло и Дж. Мильтона, а равно высокая вероятность знакомства второго с творчеством первого⁶.

Композиция выбранного шестикатренного (24-строчного) стихотворения проста: в первых двух катренах (ст. 1–8, блок I) пастух,

⁶ Об этом см.: Павлова Т. А. Милтон / Т. А. Павлова. – М. : РОССПЭН, 1997. – С. 434.

зовущий возлюбленную, рисует идеализированную картину природы; в следующих трех катренах (ст. 9–20, блок II) перечисляются «природные» подарки, сулимые возлюбленной: *ложе из роз, овечья шерсть для наряда, пояс из плюща, янтарь* и пр. Последний катрен (ст. 21–24, блок III) завершает идиллическую картину перспективой прихода других *пастушков*, которые будут радоваться союзу влюбленных. Особым композиционным элементом является рефрен-призыв *Come live with me and be my Love* (ст. 1, 20 и 24), образующий как бы двойное кольцо (1 ↔ 20, 1 ↔ 24), маркирующее границу композиционных блоков II и III. Эта композиционная структура поддержана в обоих переводах с небольшим отклонением в каждом: в РПТ-1 рефрен не полностью совпадает в первой и последних строках (*О, стань возлюбленной моей*, ст. 1 – *То стань возлюбленной моей*, ст. 20 и 24), а в РПТ-2 усеченный рефрен *Приди!*, ст. 9, маркирует, помимо границы блоков II и III, и границу блоков I и II.

Тематический анализ обоих переводов выявил (соответственно канону жанра) три субъектные тематические цепочки: адресанта-пастуха (1.1), адресата-возлюбленной (1.2), «мы»-цепочку (1.3):

(1.1. – Адресант)

Пастух – своей – моей – мной – мной – ∅ – ∅ – ∅ – ∅ – я – моей – моей
(РПТ-1)

Пастух – своей – моя – я – я – я – ∅ – я – ∅ – ∅ – ∅ – я – моя – моя
(РПТ-2)

Shepherd – his – me – my – I – ∅ – ∅ – ∅ – ∅ – me – my – me – my (ИТ)

(1.2. – Адресат)

Своей возлюбленной – ∅ – возлюбленной моей – ∅ – ты – тебе – ∅ – ∅ – тебе – тебе – ∅ – тебе – твоей – ∅ – возлюбленной моей – тебе – ∅ – возлюбленной моей (РПТ-1)

Своей возлюбленной – ∅ – любимая моя – тобой – ∅ – твой – ∅ – ∅ – твоих – ∅ – тобою – ∅ – любимая моя – ∅ – ∅ – любимая моя (РПТ-2)

His Love – ∅ – ∅ – my Love – thee – ∅ – ∅ – thee – ∅ – ∅ – my Love – thy – thy – ∅ – ∅ – my Love (ИТ)

(1.3. – Мы)

мы (РПТ-1)

нам – мы – нас (РПТ-2)

we – we – ∅ – our – we (ИТ)

Условный кодовый контент этих цепочек, приведенный в приложении Б, позволил вычислить усредненную эквивалентность по субъектным и предметным тематическим цепочкам для РПТ-1 (45,67% и 72,73%) и РПТ-2 (47,73% и 77,27% соответственно). Как видно, перевод И. Жданова, несмотря на большее число формальных отклонений, тематически ближе оригиналу, чем перевод В. Рогова. При этом РПТ-2 качественно интерпретируется как менее «эгоцентрический», чем РПТ-1, стремящийся к «погашению»,

нивелировке пастушеского я, что, по-видимому, больше отвечает композиционно-тематическому строю и жанровой интенции элегии.

Категориальный анализ остальных категорий выборки выявил столь обширную репрезентацию ТК пространства и тональности, что кодовая фиксация потребовалась бы – без преувеличения – для всех формально выраженных составляющих исследуемого произведения. Поэтому количественные расчеты были произведены только по категории времени (в передаче которой перевод В. Рогова оказался более близким оригиналу, 66,67%, чем перевод И. Жданова – 50%).

Качественная интерпретация СКАТ хронотопа и тональности позволила выявить различия русских вариантов элегии К. Марло. Текстовое пространство наиболее полно оказалось воссоздано переводчиком-2 по параметру набора репрезентаций, а переводчиком-1 – по параметру размещения сигналов текстового пространства. По параметру комбинаторики ближе оригиналу то РПТ-2 (в блоках I и II), то РПТ-1 в блоке III (за счет отсутствия репрезентации *у реки*). Текстовое время позволяет сделать вывод о создании эффекта динамичности в рецепции переводчика РПТ-2, в то время как РПТ-1 оказывается более статичным и общим. Динамичность переводного варианта И. Жданова (РПТ-2) делает его эквивалентно ближе ИТ в аспекте набора, размещения и комбинаторики ядерных и приядерных репрезентаций, соотносимых с полем категории тональности, а формальное соответствие оригиналу РПТ-1 характеризуется сохранением значительного числа категориальных эмотивных сем оригинала.

Апробация модели СКАТ подтвердила, что текстовая категория может использоваться в качестве инструмента идентификации, нацеленной на установление эквивалентности переведенных текстов их оригиналу. Выборка категорий неопредельного уровня абстракции (темы, хронотопа, тональности) показала их полную пригодность для применения контент-анализа, итогом которого являются объективные количественно-качественные результаты идентификации текстовых вариантов.

В главе II «Категориально-текстовая идентификация русских вариантов поэмы Дж. Мильтона "Потерянный Рай" (Песнь первая)» разработанная и экспериментально апробированная модель сопоставительно-категориального анализа текстов применяется для идентификации двух русских переводов – ПТ-1777 и ПТ-1976 – самой известной английской эпопеи XVII в.⁷ Обозначение ИТ закономерно принадлежит английскому оригиналу поэмы – “Paradise Lost” (1667).

---

⁷ Песнь первая в переводе 1777 г. приводится в данной работе по архивному источнику, найденному нами в фонде Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург): Потерянный Рай: поэма *Иоанна Мильтона* / Переведено с аглинскаго [В. Петровымъ]. – Санктъ-Петербургъ : при Императорской Академіи Наукъ, 1777. – 107 с. – Отдел редкой книги РНБ, шифр 18.153.2.304.

Упоминание об этом экземпляре содержится в «Словаре русских писателей XVIII в.»: «Перевод П<етрова – В. Б.>. был довольно удачен и долго сохранял свое

Раздел 2.1 «Композиция Песни первой как структурная основа дальнейшей идентификации переводных вариантов» представляет собой реализацию предварительного (нулевого) этапа модели СКАТ. Задача анализа – выделить взаимно соответствующие композиционные блоки в каждом текстовом варианте, с учетом их соотношения с композиционными частями (более крупными образованиями при контекстно-вариативном членении). Репрезентативная выборка композиционных блоков из всех частей Песни первой является достаточной для сопоставления текстовых вариантов большого объема.

При выделении композиционных блоков особое внимание было уделено абзацному членению Песни первой: места его совпадения во всех трех текстовых вариантах идентифицировались как границы между блоками. Тем самым процедура контекстно-вариативного членения была дополнена графическим (внешним) структурированием текста. Выделенные таким образом 17 блоков Песни первой были пронумерованы римскими цифрами, с добавлением букв *a* и *b* в местах несовпадения потоков авторской и персонажной речи с графическим членением. Эти блоки были распределены между тремя композиционными частями и представлены в диссертации в форме таблиц. Зону авторской речи составили блоки описания IV (4), VII (55), Ха (36), XI (42), XII (156), XIII (107), всего 408 строк, а также 236 строк композиционной рамки – блоки I (27), II (64), XV (8), XVI (86), XVII (51), всего 644 строки. В зоне персонажной речи выделены монологи Сатаны – блоки III (48), VIб (39), VIIа (33), Xб (18), XIVа (46), всего 184 строки, – и монологи Вельзевула – блоки V (40), IXб (13), всего 53 строки (количество строк согласно основному идентифицируемому текстовому варианту ПТ-1777).

Абсолютно сильную позицию в Песни первой занимает блок I – вступление не только к Песни первой, но и ко всей поэме. Исходя из этой, гораздо большей функциональной значимости по сравнению со всеми другими блоками, отношение объема блока I к объему его композиционной части (рамки), а именно $\frac{27}{236}$, было взято в качестве рабочего при идентификации «сильных» (наиболее репрезентативных) блоков других частей. Идентификация ПТ-1777 и ПТ-1976 относительно ИТ велась через посредство категориального анализа следующих, наиболее репрезентативных композиционных блоков целого текста, это блок I (повествовательно-описательное вступление); блок VIб (второй монолог Сатаны к Вельзевулу); и блок IXб (ответный монолог Вельзевула).

значение для знакомства рус. читателей с поэмой Мильтона. Экземпляр книги с пометами П<етрова> находился у И. И. Дмитриева и был передан им П. А. Вяземскому в 1836 (РНБ, шифр: 18.153.2.304)». – См.: Кочеткова Н. Д. Петров (Василий Петрович [1736, Москва – 4 (15) XII 1799]) / Н. Д. Кочеткова // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К – П) / ред. колл. Н. Д. Кочеткова, Г. Н. Моисеева, С. И. Николаев ; отв. ред. А. М. Панченко. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – С. 425–429.

Выделение этих блоков предопределило структуру дальнейшего анализа: в разд. 2.2, 2.3, 2.4 идентифицировался ПТ-1777 в каждом из этих блоков по отдельности (относительно ИТ), а в разд. 2.5 осуществлена идентификация ПТ-1976 как относительно ИТ, так и относительно ПТ-1777. Каждый из разделов 2.2 – 2.5 делится на три подраздела, соответствующих категориям темы, хронотопа и тональности. В ходе идентификации использовался ряд толковых словарей русского и английского языков, а также словари эпохи на обоих языках.

В разделе 2.2 **«Категориальная идентификация перевода В. П. Петрова: композиционный блок вступления»** произведен количественный и качественный категориальный анализ вступления ПТ-1777 (I, 1–27) в его сопоставлении с ИТ.

Композиционно-тематическая специфика эпического вступления предопределена традицией «обращения к "богине"-Музе с призывом "воспеть" избранный аэдом предмет»⁸, идущей от гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея». Субъектная тематическая цепочка вступления (1) имеет два ветвления: 1.1 с референтом 'Высший адресат' (Муза → Святой Дух → Бог) и 1.2 'Поэт-адресант'. Через осознание «Песни» как того, что пропевадается здесь и сейчас, весь композиционный блок вступления перерастает в коммуникативный акт обращения к Музе, что сближает «Потерянный Рай» с элегией-посланием К. Марло (представлявшей собой коммуникативный акт обращения к любимой).

В обращении к Музе также предполагаются два ветвления предметной темы: предметно-событийное (2.1: поэт перечисляет события, в воспевании которых ему требуется помощь Высшего «со-нарратора»: *преслушание, вкушение, смерть* и т. п.) и предметно-субъектное (2.2: ветвление собирательного «объекта», а именно человека в собирательном смысле, с кем все эти события произойдут). Хотя предметная тема вступления репрезентирована во всех вариантах произведения куда меньшим числом сигналов по сравнению с субъектной, она закономерно выражена в заглавии поэмы: «Потерянный Рай» (событие – *потеря*, субъект события – 'человек в собирательном смысле').

Во всех цепочках переводчику В. П. Петрову не изменяет формальная строгость. Усредненная эквивалентность, рассчитанная в приложении Б, составила: для субъектных цепочек 1.1 и 1.2, соответственно, 83,33% и 65,15%; для предметных цепочек 2.1 и 2.2 – 90,48% и 62,5% соответственно. Уже порядок этих чисел (сравнительно с данными по эквивалентности элегии К. Марло – 45,67%, 47,73% и т. п.) говорит сам за себя. На ряде участков – например, в ст. 1–4, 6, 8, 9, 17 и др. – перевод вообще может характеризоваться как пословный, эквилинеарный оригиналу. Ср.:

---

⁸ Медведева Н. Г. «...Муза объясняет Судьбе то, что надиктовала» / Н. Г. Медведева // Кормановские чтения : материалы Межвуз. науч. конф. / ред.-сост. Д. И. Черашняя. – Ижевск : УдГУ, 2014. – Вып. 13. – С. 9.

ИТ	ПТ-1777
Of ^{2.2a1} Man's first ^{2.1.a2} disobedience, and the ^{2.2.a1} fruit Of that forbidden tree whose mortal ^{2.1.62} taste Brought ^{2.1.b2} death into the World... (I, 1–3)	Первое ^{2.1.a2} преслушаніе ^{2.2.a1} человѣка, и плодь онаго запрещеннаго древа, котораго ^{2.2.65} Ø тлетворное ^{2.1.62} вкусеніе внесло ^{2.1.b2} смерть во міръ... (I, 1–3)

К систематическим отклонениям при передаче категории темы в ПТ-1777 относятся увеличение числа нулевых номинаций и тяготение к опущению я. Этими отклонениями и обусловлено то, что тематическая эквивалентность не достигает 100%.

Осмысление поэтом-адресантом дистанции между ним и Музой (Св. Духом, Господом Богом) определяет специфику пространственно-временных отношений в блоке вступления: *сейчас* оказывается подчинено оппозиции *здесь* (где находится Поэт) – *там* (где может находиться Муза и куда должна взлететь *Пѣснь*). Поэтому и по количеству сигналов поле ТК локативности выстраивается значительно четче, чем поле темпоральности:

– ядро (маркируемое 1.1) составляют ‘геокомпоненты’ (*во міръ, Едема, небесная, на священномъ верхѣ Хорива <или> Синая* и проч.);

– приядерную зону (1.2) – репрезентативная группа с условно широким названием ‘внешних предметов и объектов’ (*древа, жилище, близъ прорекалища, храмамъ*);

– в зону ближайшей периферии (2.1) входят сигналы ‘внутреннего пространства’ (*сердце, пути, niskій, души*);

– в зону периферии дальнейшей (2.2) – сигналы с семантикой ‘действия, перемещения, смены состояния’ (*полетомъ устремляется, неприкосновенныя понынѣ* и проч.).

Если проецировать эту структуру на поле текстового времени, оказывается, что с достаточной четкостью выделяется лишь зона дальнейшей периферии (*дондеже, возникли*) – зона пересечения полей локативности и темпоральности. Все остальные зоны: ядра и приядерной зоны (*въ началѣ, перьвое, перьвый, исперьва былъ присуць*), ближайшей периферии – ‘внутреннего времени’ (*вѣчное*) – представлены весьма малым количеством сигналов, что говорит о слабой выраженности полевой структуры темпоральности в композиционном блоке вступления.

Общность дальнейшей периферии на основе семы ‘движение, перемещение’ свидетельствует о близости, функциональной общности текстовых полей локативности и темпоральности, составляющих комплексную ТК хронотопа.

Как и тема, хронотоп демонстрирует значительную степень эквивалентности ПТ-1777 исходному тексту (82,76% по ТК текстового пространства, 80,56% по ТК времени). Речевые сигналы свидетельствуют об

осознании Поэтом окружающего Песнь континуума как 'первобытного', 'архаического', и потому 'высокого': поэма, *сїе великое вещесловіе*, призвана *защитить вѣчное провидѣніе и оправдать пути Господни предъ челоѵьки* (пер. В. П. Петрова, I, 25–27). Текстуальное свидетельство 'первобытности' – хронологически маркированные сигналы (*дондеже* – англ. общепотр. *till*; *оттолѣ* – англ. *thence*), хронологически отмеченные варианты лексем и морфем (*первое*, I, 1; *исперва*, I, 20; *верьхѣ*, I, 7 и проч.), фиксируемые «Словарем русского языка XVIII века» как возможные к *перв-*, *верх-*, т. е. как альтернативные. Вероятно, в подобных сигналах можно видеть прием переводческой компенсации, поскольку хронологически отмеченная лексика встречается и в оригинале (*thee, thy* – высокие обращения, с пометой *устар.*, *поэт.* чаще всего к Богу, передаваемые по-русски, в частности, заглавной буквой: *Ты, Твой*).

Перечисленные субъектные, предметные, хронотопические показатели задают безусловно высокую тональность поэмы, отражаемых в ней событий и «Высшего» адресата, противопоставляемую тональности низкой, связанной с самим говорящим и человечеством вообще. В структуре поля данной ТК было выделено ядро (1), содержащее единственный бесспорный маркер *мракъ (души моя)*, а также обширно выраженные пласты периферии (2), ближайшая (2.1) и дальнейшая (2.2), в области которых размещаются противоположные качества «горнего» и «дольнего» (ср. *блаженное, священномѣ, правое и чистое vs. дерзновенная пѣснь, нискій талантъ* и проч.). Эквивалентность ПТ-1777 по категории тональности (68,25%) ниже других ТК в выборке, однако (если принять в расчет все грамматические трансформации) может также считаться значительной.

В разделах 2.3 «Категориальная идентификация перевода В. П. Петрова: композиционный блок второго монолога Сатаны к Вельзевулу» и 2.4. «Категориальная идентификация перевода В. П. Петрова: композиционный блок ответного монолога Вельзевула» установлено, что заданные блоком вступления категориальные особенности сохраняются на протяжении всей поэмы. Тематический репертуар в потоке персонажной речи стал, естественно, более разнообразным (что находит, в частности, отражение в увеличении количества таблиц соответствующих приложений В и Г): помимо самих говорящих (1.3 – Сатана; 1.5 – Вельзевул), на сцене появляется и «коллективное множество» Павших Духов (1.4). Отмечается промежуточное положение последней цепочки между субъектным и предметным типами: с одной стороны, лежащие *сгущенны, яко есеннія листвія устилающія потоки* (I, 337), бывшие Ангелы, поддержавшие Сатану и низвергнутые вместе с ним в Ад, являются объектом обсуждения говорящих, не имеют собственного голоса. Однако в целом тексте Песни первой они оживают, начинают двигаться и в итоге даже воздвигают Пандемониум, где и заседают в Песни второй. С учетом этой активности цепочке с референтом 'Духи' был также присвоен субъектный номер (1.4),

однако с оговоркой тяготения к предметно-персонажному типу цепочки (2), не представленному в идентифицированных монологах.

Сопоставительный категориальный анализ ПТ-1777 и ИТ позволил продемонстрировать, помимо стабильно высокой эквивалентности во всех добавившихся цепочках (а равно и в хронотопе, и в тональности), сохранение индивидуально-стилистических черт переводного текста, выявленных в процессе анализа блока вступления. Это субъектоцентричность анализируемого перевода, тяготение к незначительному, однако стабильному удлинению тематических цепочек за счет номинаций разных типов; поддержание безусловно высокой тональности поэмы, оппозиции высшего и низшего, лучшего прошлого и низменного настоящего и будущего. Последняя оппозиция является концептуальной для всех темпоральных планов поэмы.

Текстовая категория тональности во втором монологе Вельзевула характеризует говорящего как, с одной стороны, повторяющего мысли Вождя, инверсивно перестраивающего их с содержательным сохранением в сильных позициях; с другой – как духа колеблющегося, выражающего больше опасений в прошлом и будущем, чем уверенности в настоящем. Тем самым, через посредство интеграции категорий тональности и темы, тональности и хронотопа в количественном отношении происходит своего рода компенсация стабильно менее эквивалентной ТК тональности в обоих переводах (с сохранением более высокого показателя УЭ за ПТ-1777). По контрасту с Вельзевулом обоими переводчиками выделяется Сатана, становится непререкаемым авторитетом в том замысле, который будет реализован позднее и который станет основным предметом всей поэмы.

Перечисленные черты служат и дифференциации ПТ-1777 и ПТ-1976. Различение этих текстовых вариантов было осуществлено в разд. **2.5. «Категориальная идентификация перевода Арк. Штейнберга в авторской речи и персонажных монологах Песни первой»**. Данный раздел призван обобщить идентифицированные черты сходства и различия основного из исследованных переводов путем сопоставления с переводом, сделанным двумя веками позже.

Очевидным формальным несовпадением двух русскоязычных вариантов является то, что первый написан прозой, второй – белым стихом. Ритмическая «несвобода» вполне может считаться причиной устойчивого снижения эквивалентности ПТ-1976 по всем категориям во всех трех исследованных композиционных блоках. Определение ПТ-1976 как «эквиметричного», а ПТ-1777 как «неэквиметричного» не снимает трактовку обоих как «эквивалентных», но в разной степени. Ближе к оригиналу прозаический перевод В. П. Петрова.

Однако категориальная точность не исключает отдельных неточностей перевода, что видно на следующем примере идентификации тональности:

ИТ

ПТ-1777

ПТ-1976

(1) To do aught good never will be our task, But ever to do ill our sole delight... (I, 159–160)	твореніе блага во вѣки нашъ долгъ; всегда упражняться во злѣ единственное утѣшеніе... (I, 178–179)	...к Добру Стремиться мы не станем с этих пор. Мы будем счастливы, творя лишь Зло... (I, 170–172)
--	--	---

В то время, как в оригинале поэмы Сатана говорит о том, что творение добра никогда не станет их, коллективного субъекта, долгом (тезис предложения первого) и что даже в ответ на добро они все равно будут творить зло (тезис предложения второго), переводчик 1777 г., вероятно увлеченный сохранением разнообразия набора (ср. *ill* букв. «нездоровый», в отличие от *evil*, собственно «зла»), получает в тезисе смысл совершенно противоположный исходному тексту: букв. «делать доброе никогда не будет нашим заданием» → *твореніе блага во вѣки нашъ долгъ*. Именно поэтому, говоря о категориальной эквивалентности как собственно текстовом соответствии перевода оригиналу, мы не затрагиваем вопрос качества и оценки перевода (хотя, вероятно, предложенная методика СКАТ может быть применена при сопоставлении текстов и в этих целях).

В разд. 2.5 приводится и обобщающая таблица, где сведены все полученные в ходе расчетов показатели усредненной эквивалентности:

Таблица 5

**Усредненные величины эквивалентности переводных вариантов
«Потерянного Рая» по всем текстовым категориям в композиционных
блоках вступления; монолога Сатаны; монолога Вельзевула (в %) ⁹**

	ТК темы (по тематическим цепочкам)							ТК хронотопа		ТК тона- льности	Резуль- тир. УЭ по всем ТК
	1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	2.1	2.2	Простр.	Время		
ПТ-1777	81,88	65,15	–	–	–	90,48	62,50	82,76	80,56	68,25	73,86
	54,55	–	100	58,33	87,50	–	–	68,52	65,00	74,56	
	66,67	–	100	71,79	–	–	–	69,05	57,41	72,22	
ПТ-1976	74,56	45,45	–	–	–	80,56	36,11	65,97	61,11	38,54	51,44
	41,67	–	33,33	57,14	100	–	–	40,00	24,07	49,46	
	66,67	–	33,33	45,24	–	–	–	58,33	29,17	48,15	

Итак, в идентифицируемых переводах обнаружены два различающихся ориентира: на эквивалентность как смысловое тождество (доминирует в ПТ-1777, что подтверждается полученными количественными данными: усредненная эквивалентность по всем композиционным блокам 73,86% и 51,44% соответственно) и эквиметричность как сохранение формальной

⁹ Числа в каждой ячейке расположены соответственно порядку следования композиционных блоков: верхнее – для блока вступления (I), среднее – для блока второго монолога Сатаны (VIб), нижнее – для блока второго монолога Вельзевула (IXб). Отсутствие сигналов тематической цепочке обозначено прочерком (–). Все расчеты см. в таблицах Приложений Б, В, Г.

близости вариантов (доминирует в ПТ-1976). По совокупности параллельно идентифицируемых отклонений можно судить о творческой манере каждого переводчика. Верификация этого положения на более объемном материале и является перспективой дальнейшей работы.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, в ходе которого была доказана выдвинутая гипотеза: текстовая категория может служить идентификатором качественного сопоставления вариантов художественного текста между собой (в частности, перевода с оригиналом и перевода с переводом). Специально обобщаются результаты категориально-текстового моделирования – применение модели СКАТ к текстовым вариантам, принадлежащим одному текстотипу, получение качественно-количественных результатов. Намечаются перспективы расширения модели путем привлечения других переводных вариантов «Потерянного Рая», вовлечения в модель других текстовых категорий.

Приложения (общим объемом 81 страница) содержат данные детального категориально-текстового анализа сопоставляемых текстовых вариантов. Приложение А содержит анализ элегии К. Марло “The Passionate Shepherd – to His Love” в оригинальном и обоих переводных вариантах (с расчетными таблицами контента); Приложения Б, В и Г – композиционные блоки вступления, второго монолога Сатаны и второго монолога Вельзевула поэмы Дж. Мильтона “Paradise Lost”, также в оригинальном и обоих переводных вариантах с расчетными таблицами контента.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ

1. Бортников В. И. «Сила» в структуре тематической цепочки поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (на примере единицы power для русскоязычного перевода 1777 г. с приложением варианта контент-аналитической кодировки) / В. И. Бортников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. – 2012. – № 2 (14). – С. 96–101.

2. Бортников В. И. Категория локативности в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай»: контент-анализ / В. И. Бортников // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (105). – С. 159–169.

3. Бортников В. И. Эмоция в советах и реакциях на них в повести Д.И. Фонвизина «Каллистен» сравнительно с первым русским переводом поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» (к вопросу о контент-анализе) / В. И. Бортников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (2). – С. 29–31.

4. Бортников В. И. Текстовые категории как основание сравнения вариантов художественного текста / В. И. Бортников // Вестник Пермского

университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 2 (22). – С. 75–85.

Другие публикации:

5. Бортников В. И. Репрезентация концепта «конечное – бесконечное» в Песни первой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» / В. И. Бортников // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи: сб. студ. науч. работ. Вып. 2. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2010. – С. 8–16.

6. Бортников В. И. «Рациональная эмоция» в поэме Джона Мильтона «Потерянный Рай»: пересечение планов художественного времени в образе Сатаны / В. И. Бортников // Проблемы «ума» и «сердца» в современной филологической науке. Материалы V Междунар. науч. конф. / Под ред. Е. Ф. Манаенковой. – Волгоград : ВГПУ, 2010. – С. 382–389.

7. Бортников В. И. Контент-аналитическое кодирование Вельзевуловых суждений в поэме Дж. Мильтона «Потерянный Рай»: категория тематической цепочки / В. И. Бортников // Кормановские чтения-2011: Статьи и материалы Межвуз. науч. конф. : Вып. 10 / Отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск : УдГУ, 2011. – С. 264–269.

8. Бортников В. И. Выделение тематической цепочки первого сегмента в повести Д. И. Фонвизина «Каллистен» (1786) (сопоставительно с первым переводом поэмы Джона Мильтона «Потерянный Рай») / В. И. Бортников // Литература XX века: проблемы поэтики: материалы IV науч. конф., посвящ. памяти Н. Л. Лейдермана / [отв. ред. Е. В. Пономарева]. – Челябинск : Полиграф-Центр, 2011. – С. 60–63.

9. Бортников В. И. О плотности категории тематической цепочки в композиционном элементе поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» – монологах собеседника Сатаны / В. И. Бортников // Иностранные языки и литературы в контексте культуры : Сб. материалов Всерос. студ. конф. – Пермь : ПГНИУ, 27.04.2012. – С. 23–27.

10. Бортников В. И. Тематические смещения в Вельзевуловой риторике Песни первой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» в зеркале текстовых категорий пространства и времени / В. И. Бортников // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи : материалы ежегод. всерос. научно-практ. конф. студ., маг. и асп. – Екатеринбург : УрФУ; Изд. дом «Ажур», 2012. – С. 84–95. – [Режим доступа к электронной версии сборника: <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/3863>]

11. Бортников В. И. Изучение пространства на факультативе по мильтоноведению / В. И. Бортников // Качество филологического образования в условиях реализации ФГОС: Материалы VIII региональной науч.-метод. конф. (2 марта 2012 г.). – Екатеринбург : ГБОУ ДПО СО «ИРО», 2012. – С. 106–110.

12. Бортников В. И. К событийной последовательности – структуре категории времени в первом русском «Потерянном Рае» В. П. Петрова (1777) / В. И. Бортников // Кормановские чтения : статьи и материалы Межвуз. науч.

конф. (Ижевск, апрель 2012) / ред.-сост. Д. И. Черашняя. – Ижевск : УдГУ, 2012. – Вып. 11. – С. 100–106.

13. Бортников В. И. К истокам переводного текста державинской эпохи в русской литературе (об обработке тематических цепочек в первом русском «Потерянном Рае» Дж. Мильтона 1777 г.) / В. И. Бортников // Г. Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). – Казань : Казан. ун-т, 2012. – С. 88–91.

14. Бортников В. И. «Внутренний» отсчет пространства как категориальная монологическая характеристика Сатаны в переводе 1777 г. Песни первой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» / В. И. Бортников // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики / Сб. тез. докл. ежегод. междунар. конф. Екатеринбург, 3–4 февраля 2012 г. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – С. 84–85.

15. Бортников В. И. Эмотивная семантика перевода : к вопросу объективации описания Сатаны в первом русском «Потерянном рае» 1777 г. / В. И. Бортников // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. студ. и асп. / отв. ред. Е.В. Пономарева. – Челябинск : Цицеро, 2012. – С. 28–29.

16. Бортников В. И. Композиция как жанровое слагаемое первого художественного перевода поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» на русский язык (1777): сравнительно-категориальный аспект / В. И. Бортников // Литература в контексте современности : Сб. мат. VI Международной научно-методической конф. (Челябинск, 13–14 декабря 2012 г.) / отв. ред. Т. Н. Маркова. – Челябинск : Челяб. гос. пед. ун-т; Изд-во ООО «Энциклопедия», 2012. – С. 16–20.

17. Бортников В. И. О соотносимости мотивных структур Песни первой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» и греческой повести Д. Фонвизина «Каллисфен» / В. И. Бортников // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература : национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. И.А. Дергачева [В 3-х т.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – Т. 3. – С. 260–267.

18. Бортников В. И. Об использовании кодов как металингвистического инструмента при анализе текстовой категории локативности (на материале русского художественного перевода 3-й трети XVIII в.) / В. И. Бортников // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. – Серія : Філологія. – 2012. – № 2 (4). – С. 210–223.

19. Бортников В. И. Тема Сатаны и его пространств в переводах Песни первой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай»: категориальный анализ / В. И. Бортников // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. – Серія : Філологія. – № 1 (5). – 2013. – С. 211–215.

20. Бортников В. И. Английская пастораль XVI – XVII вв. как материал для сопоставительного категориального анализа текстов (“The Passionate Shepherd – to His Love” К. Марлоу и “Lycidas” Дж. Мильтона) / В. И. Бортников // Антропология литературы: методологические аспекты

проблемы: сб. науч. ст. В 3 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол. Т.Е. Автухович [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2013. – С. 249–253.

21. Бортников В. И. Текстовая категория темы – идентификатор переводного варианта английского эпического текста («Потерянного Рая» Дж. Мильтона): фрагмент экспериментального сопоставления / В. И. Бортников // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых (8 февр. 2013 г.) / общ. ред. Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, Л. А. Запевалова, А. А. Ширшикова : в 2 ч. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – Ч. 1. – С. 371–377.

22. Бортников В. И. Художественные переводы английского лирического текста в методологическом зеркале сравнительно-хронологического анализа / В. И. Бортников // Кормановские чтения : статьи и материалы Межвузовской научной конференции / ред.-сост. Д. И. Черашняя. – Ижевск : УдГУ, 2013. – Вып. 12. – С. 300–305.

23. Бортников В. И. Эквивалентность как категория взаимного соответствия разноязычных текстовых вариантов (в истории и критике перевода) / В. И. Бортников // Многоречие: проблемы изучения : Тез. докл. и сообщ. Межвуз. науч. семинара с международным участием [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 14 мая. – Екатеринбург : Издательский дом «ЛИТУР», 2013. – С. 26–27. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/18219> [ISBN: 978-5-9780-0618-6]

24. Бортников В. И. Экспликация категории тональности в русских переводах элегии К. Марлоу “The Passionate Shepherd to His Love” / В. И. Бортников // Филологические проекции Большого Урала : материалы межрегион. науч. конф. (Пермь, 28–30 ноября 2012 г.) / под ред. докт. филол. наук, проф. кафедры русской литературы А.А. Арустамовой. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2013. – С. 101–105.

25. Бортников В. И. К синтаксическим трансформациям художественного перевода (блок вступления в русском «Потерянном Рае» 1777 г.) / В. И. Бортников // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 7 февраля 2014 г. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ин-т, 2014. – Ч. I. – С. 139–143.

26. Бортников В. И. О возможности категориальной идентификации перевода через перевод на третий язык / В. И. Бортников, Е. А. Кругликова // Молодые голоса : сб. тр. / под ред. И. В. Шалиной. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2014. – Вып. 3. – С. 61–67.

27. Бортников В. И. Державинская эпоха и перевод XVIII в.: категориально-текстовая идентификация одного эпического вступления как речевой партии Поэта / В. И. Бортников // Г. Р. Державин и диалектика культур : материалы Международной научной конференции (Казань – Лаишево, 11–13 декабря 2014 г.) / [Казан. ун-т]. – Казань : Казанский университет, 2014. – С. 252–255.